ЭНТОНИ ДЖЕНКИНСОН

ПУТЕШЕСТВИЕ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ

1558—1560 гг.

1. Путешествие господина Антония Дженкинсона из города Москва в России до города Бухары (Boghar) в Бактрии в 1558 г., описанное им *самим для лондонских купцов Московской компании.*

Апреля 1558 г., получив от русского царя грамоты к различным царям и государям, через владения которых мне придется проезжать, я выехал из Москвы водой, имея с собой двух ваших служащих, а именно: Ричарда Джонсона и Роберта Джонсона, и татарина толмача (tolmach), с тюками различных товаров, как это видно из описи. 28-го мы приехали в Город, называемый Коломной (Collom), расстоянием от Москвы 20 лиг. Пройдя одну лигу за Коломну, мы въехали в реку, называемую Окой (Осса), в которую река Москва впадает, теряя свое название. Проплыв вниз по Оке 8 лиг, мы прибыли в замок (castle) по имени Перевитеск (Terrevetisco), который мы оставили по правую руку; следуя дальше, мы достигли 2 мая другого замка, называемого Переяславлем (Peroslave), в 8 лигах от предыдущего, также оставив его по правую руку. 3-го мы доехали до места, где была расположена Старая Рязань, теперь почти вся разрушенная и заросшая травой; от Переяславля она отстоит на 6 лиг; 4-го мы прошли мимо замка, называемого Тереховым (Terrecovia, Терехов монастырь), в 12 лигах от Рязани, а 6-го подошли еще к одному замку, называемому Касимовым (Cassim), находящемуся под управлением татарского князя Шиг-Алея (Utzar Zegoline), когда-то царя богатого города **[168]** Казани, ныне же подданного московского царя. Оставив Касимов по левую руку, мы 8-го прибыли в прекрасный город Муром (Morom), в 20 лигах от Касимова. Здесь мы измерили высоту солнца и определили, что находимся на 56° широты. Следуя дальше, мы доехали 11 мая до другого славного города и заика, называемого Нижний-Новгород (Nyze Novograd), расположенного при впадении вышеназванной реки Оки в знаменитую реку Волгу; он отстоит от Мурома в 25 лигах и находится на широте 56° 18'. От Рязани до Нижнего-Новгорода по обоим берегам указанной реки Оки собирается наибольшее количество воска и меда во всей русской земле. Мы оставались в Нижнем-Новгороде до 19 мая, ожидая прибытия начальника, посланного царем править Астраханью. Когда он приехал и под его начальством соединилось до 500 больших судов, частью нагруженных съестными и военными припасами и солдатами, частью же товарами, мы все вместе отбыли от Нижнего-Новгорода 19 мая и 22-го приехали к замку, расположенному в 25 лигах от Нижнего-Новгорода, называемому Василь-Город (Vassiliagorod), который остался у нас по правую руку. Этот город или замок получил свое название от имени отца нынешнего царя, которого звали Василием; “город” же на русском языке значит “замок”, так что Васильгород означает Васильев замок; это самое дальнее место, которое этот царь завоевал у татар. Но теперешний царь, его сын, называемый Иваном Васильевичем, одержал большие победы в своих войнах как против христиан, так и против магометан и язычников, а особенно против татар; он расширил свое царство даже до Каспийского моря и завоевал знаменитую реку Волгу со всеми прилегающими к ней странами. Продолжая таким образом наше путешествие, мы достигли 25 мая другого замка, называемого

Чебоксары (Sabowshare), в 16 лигах от Васильгорода; он остался по правую руку от нас. Окрестная страна называется Мордва (Mordovits); ее жители исповедывали языческую веру; теперь, будучи покорены нынешним русским царем, они по большей части крещены, но живут в лесах и пустынных местах без городов и жилищ.

27 мая мы прошли мимо другого замка, называемого Свияжским (Swyasko), в 25 лигах от вышепомянутых Чебоксар. Оставив его по правую руку, мы подошли 29-го к острову в одной лиге от города Казани, от которого течет Казанка-река и впадает в вышесказанную реку Волгу. Казань — прекрасный город, построенный по русскому и татарскому образцу, с крепким замком, стоящим на высоком холме. Замок был обнесен земляным валом с деревянными укреплениями, но русский царь приказал теперь снести старые стены и выстроить новые из белого камня. Казань была очень богатым городом; находясь в руках татар, она была самостоятельным государством, которое более чем какое-либо иное причиняло затруднения русским во время войны. Но 9 лет назад нынешний **[169]** русский царь завоевал ее и взял в плен ее царя: последний, будучи очень юн, теперь окрещен и воспитывается при царском дворе; там же живут два других князя, которые также были некогда казанскими царями, но так как каждый из них во время своего царствования опасался своих подданных вследствие гражданской войны, то оба в различное время передались русскому царю, так что в настоящее время при русском дворе имеется три князя, бывших прежде казанскими царями. Царь всех их содержит в большом почете (Казанскими царями, о которых говорит Дженкинсон, были. 1) Шигалей, или Шейх-Али; 2) Утямыш-Гирей, сын царя Сафа-Гирея, род. в 1546 г., царствовавший в 1549-1551 гг.; в 1551 г. Утямыш был низложен, отправлен в Москву *с* матерью Сююн-Бике (Сумбекой), крещен именем Александра Сафакиреевича, умер в Москве в 1566 г., и 3) плененный в 1552 г. Едигер (Ядыгар), получивший при крещении в 1553 г. имя Симеона Касаевича, умер в Москве в 1565 г.). Мы оставались в Казани до 13 июня и тогда отправились дальше. В тот же день мы прошли мимо острова, называемого “Купеческим островом”, который был обычным местом, где все купцы — русские, казанцы, ногайцы и крымцы — съезжались и производили торг, покупали и продавали, но теперь торг оставлен, и нет подобного съезда ни в Казани, ни где бы то ни было от Москвы до Каспийского моря.

Подвигаясь таким образом вперед, мы проплыли 14 мая мимо красивой реки, называемой Кама, которую мы оставили по левой руке. Река эта течет из Пермской страны и впадает в Волгу в 15 лигах от Казани. Страна между Казанью и Камой называется Вачен (Vachen), ее обитатели язычники и живут в диких местах без домов и других жилищ; страна же на той стороне Волги против Камы называется землей черемисов (Cheremizes), полуязычников, полутатар; а страна по левую сторону Волги от Камы до Астрахани и далее вдоль северного и северо-восточного берега Каспийского моря до земли татар, называемых туркменами (Turkamen), носит название страны Мангат или ногаев; жители ее держатся закона Магомета. Все они были истреблены в 1558 г., в бытность мою в Астрахани, гражданскими усобицами, сопровождаемыми голодом, чумою и всякими моровыми поветриями, так что в сказанном 1558 году от той или другой причины погибло свыше 100 000 человек из этого народа. Такого мора никогда не видели в этих странах; земли ногайцев изобиловали пастбищами; теперь же они пусты к большому удовольствию русских, у которых были долгие и жестокие войны с ногайцами.

Когда ногайцы процветали, жизнь их протекала следующим образом. Они распадались на отдельные группы, называвшиеся ордами; каждая орда имела особого правителя, называвшегося мурзой, которому они повиновались, как своему королю. У них не было ни городов, ни домов, но они жили в открытых степях; каждый мурза или король имел около себя свою орду или своих подданных с их женами, детьми и скотом. **[170]**

Когда съедалась вся трава, орда переходила на другое место. Они передвигаются с домами, подобными палаткам, устроенными на повозках и перевозимых с места на место верблюдами. В них они перевозят жен, детей и все свое добро, очень незначительное; каждый мужчина имеет, по крайней мере, 4 или 5 жен, не считая наложниц. Они не употребляют денег, но меняют скот на одежду и другие необходимые вещи. Они не занимаются никакими ремеслами или искусствами, кроме военного, в котором они очень опытны; они, главным образом, скотоводы и имеют большое количество скота, который и составляет их главное богатство. Они едят много мяса, преимущественно конского, и пьют кобылье молоко, от которого часто бывают пьяны; они очень мятежны и склонны к воровству и убийству. Они ничего не сеют и не едят хлеба, насмехаясь за это над христианами, и преуменьшают нашу силу, говоря что мы живем тем, что едим верхушки трав и пьем напиток, сделанный из того же, и указывая при этом, что огромное количество пожираемого ими мяса и молока составляет источник их силы. Однако следует возвратиться к моему путешествию.

Вся страна по правую руку от нас, начиная от места против Камы вниз до Астрахани, есть земля крымцев, жители которой также держат закон Магомета и живут приблизительно так же, как и ногайцы. Они постоянно ведут войны с русским царем, мужественны на поле битвы и пользуются покровительством и помощью турецкого султана (Great Turke) (Great Turke — “Великий Турок” — обычное название, которое давалось в Западной Европе XVI в. главе турецкого государства.).

16 июня мы прошли мимо нескольких рыбачьих хижин, называемых Тетюши (Petowse), в 20 лигах от устья Камы. Здесь происходит большой лов осетров. Так, продолжая путь далее, мы прошли 22-го мимо другой большой реки Самары, которая вытекает из вышеуказанной (Пермской) страны, течет через ногайскую землю и впадает в Волгу. 28-го мы подъехали к большому холму, где в минувшие времена стоял замок, выстроенный крымцами, теперь разрушенный; он находится как раз на полпути между Казанью и Астраханью, что составляет 200 лиг или около того, на широте 51° 47' (Речь идет об Увеке, прежнем татарской укрепленном городе, имевшем большое военное и торговое значение. Увек находился в ближайших окрестностях Саратова. Последний, основанный в 1590 г., является историческим преемником Увека. Книга “Большого чертежа” упоминает о “Городище Увешенском” близ Саратова.). По всему этому берегу растет в изобилии солодковый корень, уходящий в землю подобно корням виноградной лозы.

Подвигаясь все вперед, мы прибыли 6 июля к месту, называемому Переволокой (Perevolog), потому что в прошлые времена татары здесь обычно перетаскивали по земле свои лодки из Волги в реку Танаис, **[171]** иначе называемую Доном, когда они собирались грабить спускавшихся по Волге к Астрахани, или, наоборот, спускавшихся по Танаису к Азову, Каффе, или иному какому-нибудь городу на Эвксинском (т. е. Черном) море, в

которое впадает Танаис; истоки Танаиса находятся на равнине в Рязанской области. В этом узком месте на Переволоке расстояние от одной реки до другой по суше всего 2 лиги. Оно очень опасно из-за воров и разбойников; однако в настоящее время, вследствие завоеваний русского царя, оно не так страшно.

Отъехав от Переволоки и плывя среди пустыни, простирающейся с обеих сторон, мы увидели большое скопление ногайцев, пасших, как уже сказано выше, свои стада; тут было, примерно, свыше 1 000 верблюдов, впряженных в повозки с жилищами на них в виде палаток странного вида, казавшихся издали городом. Эта орда принадлежала великому мурзе Измаилу (Smille), самому значительному государю Ногайской земли, который убил и прогнал всех остальных, не пощадив своих собственных братьев и детей. Теперь, находясь в мире с русским царем, он имеет все что ему нужно и правит один, русские же живут в мире с ногайцами, тогда как раньше между ними шла смертельная война.

14 июля, пройдя мимо старого замка, где была старая Астрахань, и оставив его по правую руку, мы пришли к новой Астрахани, которую русский царь завоевал 6 лет назад, в 1552 г. (Ошибка Дженкинсона, смешивающего взятие Астрахани с взятием Казани. Старая татарская Астрахань, стоявшая, быть может, на месте хазарского Итиля, находилась в 12—15 *км* выше русской Астрахани, на правом берегу Волги, в урочище, носящем в настоящее время название “Жареные бугры”.). От Москвы до Астрахани — всего 600 лиг или около того. Город Астрахань стоит на острове, на высоком берегу с замком внутри города, обнесенным земляным валом и деревянными стенами; замок ни красив, ни крепок. Город также весь окружен земляным валом; строения и дома (кроме тех, где живут начальники и некоторые другие дворяне) низкие и очень простые. Остров очень беден, без лесов и пастбищ, и земля не родит хлеба; воздух здесь зараженный, как я думаю, от множества рыбы, в особенности осетров; рыбой единственно и питается население, между тем как мяса и хлеба очень мало. Чтобы сушить рыбу для запасов, они развешивают ее на улицах и у домов, отчего, к их великому бедствию, здесь бывает такое большое количество мух, какого не увидишь ни в одной стране. Во время моего пребывания в Астрахани население страдало от сильного голода и мора; в особенности они свирепствовали среди татар и ногайцев, которые в это самое время пришли сюда в большом числе, чтобы отдаться своим врагам русским и искать их помощи вследствие того, что, как я уже сказал выше, вся страна их была опустошена. Однако их плохо приняли и мало им помогли: большое число их умерло от голода; их мертвые тела кучами **[172]** валялись по всему острову, непогребенные, подобно зверям; жалко было смотреть на них. Многих из оставшихся в живых русские продали в рабство, а остальных прогнали с острова. В это время было бы легким делом обратить в христианскую веру этот беззаконный народ, если бы сами русские были добрыми христианами: но как могли они выказать сострадание к другим народам, когда они так немилосердны к своим собственным соотечественникам?

Когда я был в Астрахани, я мог бы купить много красивых татарских детей, целую тысячу, если бы захотел, у их собственных отцов и матерей, а именно мальчика или девочку за каравай хлеба, которому цена в Англии 6 пенсов, но в это время мы сами нуждались в съестных припасах более, чем в каком бы то ни было товаре. Астрахань —

самая отдаленная крепость, которую русский царь завоевал в сторону Каспийского моря; он старается, чтобы она была очень сильной, и ежегодно посылает туда людей, припасы и лес для постройки замка.

Здесь производится некоторая торговля нужными населению товарами, столь малая и нищенская, что не стоило бы о ней упоминать, но все же купцы приезжают сюда из разных мест. Главнейшие товары, привозимые сюда русскими, — сырые кожи, сырые овечьи шкуры, деревянная посуда, уздечки, седла, ножи и другая мелочь, а также хлеб, свинина и другие съестные припасы. Татары привозят сюда разные сорта товаров из хлопчатой бумаги и шелковые материи; приезжающие из Персии, а именно из Шемахи (Shamacki), привозят шелковые нитки, которые более всего употребляются в России, материи, различные сорта пестрых шелков для поясов, кольчуги, луки, мечи и т. п. вещи, а в иные годы привозят хлеб и грецкие орехи, но все это привозят в очень малом количестве, потому что купцы так нищенски бедны, что не стоит об этом и писать, так же как и не стоит надеяться, что торговля здесь будет стоить того, чтобы ее продолжать.

Вышесказанный астраханский остров имеет в длину 12 лиг, а в ширину 3 и тянется с востока на запад на широте 47° 9'. Мы пробыли там до 6 августа. Купив и снарядив лодку в компании с несколькими татарами и персами, мы погрузили в нее свои товары и взошли на нее сами, и в этот же самый день я отплыл вместе с обоими вышеупомянутыми Джонсонами, взяв на себя всю заботу о плавании вниз по Волге, очень извилистой и полной мелей близ устья. 10 августа мы вошли в Каспийское море через восточный рукав реки на широте 46° 27'.

Волга впадает в море семьюдесятью устьями. Идя под сильным ветром, мы держались северо-восточного берега; 11-го мы прошли под парусами 7 лиг к с.-с.-в. и прибыли к острову с большим холмом на нем, называемому Аккургар (Accurgar) и очень заметному в море. В 10 лигах к востоку от этого острова мы поравнялись с другим островом, по имени **[173]** Бохайата (Bawhiata), еще более высоким, чем первый. Между этими двумя островами к северу лежит большой залив, называемый Синим морем (Blue sea). Отсюда мы прошли 10 лиг к с.-в., но, встреченные противным ветром, бросили якорь при глубине в одну сажень и простояли тут до 15-го, испытав большую бурю с ю.-в. ветром, наиболее противным для нас, которую мы выдержали. После этого ветер перешел к с., мы подняли якорь, направили курс на ю.-в. и в этот день прошли 8 лиг. Подвигаясь таким образом вперед, мы 17-го потеряли из виду берег и прошли в этот день 30 лиг, а 18-го еще 20 лиг к в. и достигли земли, называемой Боглита (Baughleata) (Под страной Боглита надо разуметь самую северную часть берега Каспийского моря к западу от устья Урала.), в 74 лигах от устья Волги, на широте 46° 54’, причем берег тянулся с ю.-в. на с.-з. На оконечности этой земли находится могила какого-то святого пророка их закона, как называют его татары, которому усердно поклоняются все магометане, едущие этой дорогой.

19-го, держа при западном ветре курс на ю.-в., мы сделали 10 лиг и прошли мимо большой реки, называемой Яиком, которая берет начало в Сибири, неподалеку от упомянутой выше реки Камы, течет по земле ногайцев и впадает в Каспийское море. В одном дне пути вверх по этой реке лежит город, называемый Сарайчик (Seratchik), подвластный сказанному выше татарскому князю, называемому Мурзой Измаилом, ныне находящемуся

в дружбе с русским царем. Здесь не производится никакой торговли, так как здешний народ не употребляет денег; все они — воины и скотоводы, предающиеся воровству и убийствам. В то время как мы стояли на якоре против устья Яика, а все наши люди были на берегу, исключая меня, лежавшего тяжело больным, и 5 татар, в том числе одного, пользовавшегося славой святого человека, потому что он побывал в Мекке, к нам подъехала лодка с 30 хорошо вооруженными и снаряженными людьми; подойдя к нашему борту, они пытались войти на наше судно; наш святой татарин, по имени Ази, увидев это, спросил их, что им нужно, и в то же время произнес молитву. Разбойники остановились, заявляя, что они люди благородные (Gentlemen), изгнанные из родины, и без средств и что они приехали посмотреть, нет ли на нашем судне русских или иных христиан, которых они называют кафарами (Caphars). На это Ази крикнул им, что таких не имеется, подтверждая свои слова величайшими клятвами своей веры (которые они не легко нарушают). Разбойники поверили ему и после его слов отъехали. Так, благодаря верности этого татарина, я, со всеми моими спутниками и товарами, был спасен. Когда наши люди возвратились с берега, мы пустились в путь при попутном ветре и в этот день 20 августа прошли 16 лиг. **[174]**

21-го мы прошли мимо бухты в 6 лиг шириной и поравнялись с косой, на юго-восточной стороне которой было два острова, очень заметные с моря; за этой косой берег уклонялся к с.-в., образуя другую бухту, в которую впадает большая река Эмба (Yem), берущая начало в стране калмыков.

22, 23 и 24-го мы стояли на якоре.

25-го ветер стал попутным, и мы в этот день проплыли 20 лиг, миновав низкий остров, вокруг которого было много песков и отмелей. К северу от него лежит большая бухта; но мы отдалились от этого острова и пошли на юг, чтобы достигнуть глубокой воды, так как нам сильно мешали мели. Держась этого курса, мы прошли 10 лиг, потом 20 лиг к в.-ю.-в. и достигли материка, покрытого холмами. Мы прошли вдоль берега 20 лиг, и чем дальше мы плыли, тем выше становился берег.

27-го мы пересекли бухту, южный берег которой был выше противоположного, и подошли к высокому мысу. Как только мы его миновали, поднялся такой шторм с востока, что мы воистину подумали, что погибнем; шторм продолжался 3 дня. От этого мыса мы поплыли к гавани, называемой Мангышлак (Manguslake). Место, где мы должны были пристать, находится в самой южной части Каспийского моря (О превратном представлении Дженкинсона об очертаниях Каспийского моря свидетельствует составленная им карта. Караванный путь от Мангышлакского полуострова к озеру Барса-Кельмес и к высохшему Айбугирскому заливу Аральского моря. Таким образом водное пространство, принятое Дженкинсоном за конец Каспийского моря, могло быть Айбугирским заливом, озером Барса-Кельмес или озером Сары-Камыш.), в 12 лигах внутри залива. Но так как нас сильно потрепало и покидало вышеупомянутым штормом, то мы были отброшены к другому месту на другой стороне залива, у очень низкого берега против Мангышлака. Место это, куда ни одно судно и ни одна лодка никогда не приставали до нас, сильно не понравилось нам, как вследствие неудобства гавани, так и вследствие грубости кочевого населения.

Все же мы послали здесь несколько наших людей на берег поговорить с правителем и с народом, чтобы нам было обеспечено хорошее обращение с их стороны и чтобы возможно было запастись верблюдами для доставки наших товаров в место, называемое Селлизюр (Sellisure), находящееся в 25 днях пути от места нашей высадки. Наши посланцы возвратились с ободряющими словами и с честными обещаниями все сделать для нас.

Поэтому 3 сентября мы разгрузили наше судно, и я, вместе с моими спутниками, был любезно принят князем и его подданными. Однако еще до отъезда нашего отсюда мы убедились, что здешний народ дурной и **[175]** грубый; они не переставали каждый день беспокоить нас драками, кражами и выпрашиванием; они подняли цену на верблюдов, лошадей и припасы вдвое против того, что было условлено, и заставили нас покупать у них воду для питья. Это заставило нас поспешить с отъездом и согласиться на все их условия, как по найму верблюдов, так и по уплате за все, что мы у них покупали, так что за каждого груженого верблюда, несущего только 400 фунтов нашего груза, мы согласились уплатить по 3 русских кожи и по 4 деревянных блюда, а князю или правителю здешнего народа — 9 штук одного и дважды семь другого, итого 9 и дважды по семи отдельных предметов; ибо денег они не употребляют.

Изготовившись таким образом, мы выехали 14 сентября из этого места караваном из 1 000 верблюдов. Проехав 5 дней, мы вступили во владения другого государя, и навстречу нам по пути подъехали несколько хорошо вооруженных татар, находившихся на службе этого государя, по имени Тимур Султана (Timor Soltan), правителя названной страны Мангышлак, где мы предполагали пристать и разгрузиться, если бы нас не обманула буря. Эти татары остановили наш караван именем своего государя, вскрыли наши товары и забрали безденежно для своего государя все вещи, какие они сочли наилучшими; по поводу же моих вещей, которые они забрали у меня я которые после больших споров определились, как одна девятка, я отправился к самому князю и, представ перед ним, просил у него о покровительстве и об охранной грамоте для путешествия по его владениям без опасности быть ограбленным и разоренным его подданными. Он исполнил мою просьбу и, приняв меня очень любезно, приказал хорошенько угостить меня мясом и кобыльим молоком, ибо хлеба они не употребляют, равно как и никакого другого напитка, кроме воды. Однако мне он не дал денег за отобранные у меня вещи, которые на русские деньги могли стоить 15 р., но дал мне свою грамоту и лошадь стоимостью в семь рублей. Итак, я уехал, радуясь, что ушел от него благополучно, ибо он считается великим тираном, и если бы я не поехал к нему, то, как я понял, было отдано приказание ограбить и разорить меня.

Этот султан обитал в степи, а не в замке и не в городе, и сидел, когда я был у него, в маленьком круглом домике из камыша, обитом снаружи войлоком, а внутри коврами. С ним был великий митрополит этой дикой страны, столь же чтимый народом, как римский епископ чтим в большей части Европы, и несколько других важнейших его сановников. Султан и митрополит задавали мне много вопросов о наших королевствах (Т. е. Англии и Ирландии, а может быть, также Шотландии.), их законах и религии, а также о причинах моего прибытия в эти страны и о моих дальнейших намерениях. На все я отвечал, как **[176]** мне казалось лучше, и мои слова они приняли благосклонно. Простившись, я уехал, догнал наш караван, и мы продолжали наше путешествие, пройдя 20 дней по пустыне от

самого берега моря, не видя ни городов, ни жилищ и везя с собою съестные припасы на все это время. Нам на свою часть пришлось съесть одного из верблюдов и одну лошадь; другие наши спутники делали в это время то же самое. В течение этих 20 дней мы не находили другой воды, кроме той, которую добирали в старинных глубоких колодцах, солоноватую и совсем соленую, а иногда дня по два, по три оставались и без такой воды. 5 октября мы снова подошли к заливу Каспийского моря (Здесь ясно видно превратное представление Дженкинсона о географии Средней Азии, которая отражается и в составленной им карте. Дело идет или о Сарыкамышской котловине, которая в то время представляла собою большое озеро, или об озере Барса-Кельмесе, или же о южном заливе Аральского моря; см. выше.), где нашли свежую пресную воду. У этого залива нас встретили таможенники короля туркменов, которые взяли с нас в качестве сборов по одной вещи с каждых 25 и семь девяток (Расчет взимания пошлин был такой: бралось несколько раз по известному количеству предметов: семь девяток означает, что было взято семь раз по 9 предметов; двадцать девяток означает двадцать раз по 9 отдельных предметов и т. д.) в пользу своего короля и его братьев. Получив все, они уехали, мы же остались здесь еще день для отдыха.

Надо отметить, что в прошлые времена великая река Оксус впадала в этот залив Каспийского моря; она берет начало в горах Паропамиза (Paraponisus) в Индии; теперь она не доходит так далеко, но впадает в другую реку по имени Ардок, которая течет на север и уходит в землю; протекая под землею более 500 миль, она снова выходит наружу и впадает в озеро Китай. Отдохнув у сказанного выше залива, мы отправились оттуда 4 октября, а 7-го прибыли в крепость, называемую Селлизюр, где пребывал король по имени Азим-Хан с тремя другими своими братьями; 9-го я получил приказание явиться к нему и представил ему грамоты русского царя. Ему я поднес подарок — одну девятку из моих товаров. Он принял меня очень хорошо и предложил мне есть в его присутствии, так же как поступили и его братья, угощая меня мясом дикой лошади и кобыльим молоком без хлеба. На следующий день он снова присылал за мной и предлагал мне много вопросов как о делах русского царя, так и о нашей стране и ее законах, на что я отвечал, как мне казалось, наилучшим образом, так что при нашем отъезде он дал мне охранную грамоту от своего имени.

Крепость Селлизюр расположена на высоком холме; здесь живет король, называемый ханом. Его дворец состоит из низеньких длинных не очень прочных построек. Жители бедны и почти не ведут торговли. Южная часть крепости расположена на низкой, но очень плодородной **[177]** земле; здесь растет много прекрасных плодов, из которых один, называемый дыней (Dynie), отличается большими размерами и наполнен соком; жители едят их вместо напитка после еды. Есть здесь и другом плод, называемый арбузом (Carbuse), величиной с большой огурец, желтый и сладкий как сахар, а также хлебное растение, называемое иегур (iegur) (Вероятно, кунджут.), стебель которого очень похож на стебель сахарного тростника и такой же высоты, как последний; зерна его похожи на рис и растут на верхушке стебля, подобно кистям винограда. Вода, которой пользуется вся эта страна, берется из канав, проведенных из реки Оксуса к великому истощению этой реки; вот почему она не впадает больше в Каспийское море, как в минувшие времена. В недалеком времени вся эта страна будет наверно разорена и станет пустыней из-за недостатка воды, когда не хватит вод Оксуса.

14 октября мы выехали из этой крепости Селлизюра, а 16-го того же месяца прибыли в город по имени Ургенч (Urgence), где заплатили пошлины как со своих голов, так и с голов наших верблюдов и лошадей. Так как мы оставались здесь в течение месяца, ожидая времени дальнейшего путешествия, король этой страны по имени Али-Султан, брат вышеназванного Азим-Султана, возвратился из города Хорасана (Corasan), в пределах Персии, завоеванного им у персов, с которыми он и остальные короли Татарии, (Tartaria) ведут постоянно войны. И к этому королю я получил приказание явиться и так же представил ему грамоты русского царя. Он принял меня милостиво и задавал различные вопросы, а при отъезде моем дал мне охранные грамоты.

Город Ургенч стоит на равнине и обнесен земляными стенами окружностью около 4 миль. Здания также земляные, но разваливающиеся и в беспорядочном состоянии; одна длинная улица крыта сверху: она служит им рынком. Четыре раза за 7 лет город переходил из рук в руки вследствие междоусобных войн; поэтому в нем очень мало купцов и те очень бедны; во всем городе я смог продать только четыре куска каразеи. Главнейшие товары, которые здесь продают, — это те, которые привозят из Бухары или из Персии, но их так мало, что не стоит и писать. Вся страна от Каспийского моря до этого города Ургенча называется страной туркменов и подвластна выше упомянутому Азим-Хану и его братьям, числом пять. Один из них именуется главным королем, или ханом, но ему плохо повинуются за пределами его собственных владений и того места, где он живет, ибо каждый желает быть самостоятельным королем в своей части, и все братья стремятся погубить один другого. Между ними нет кровной любви, потому что они рождены различными женщинами, и обычно они являются детьми рабынь, христианок и **[178]** язычниц, которых отец держит в качестве наложниц. Каждый хан или султан имеет по крайней мере 4 или 5 жен, не считая молодых девушек и мальчиков, так как жизнь они ведут порочную. Когда между этими братьями идет война (а редко бывает, чтобы ее не было), то побежденный, если он только избежит смерти, бежит в степь с теми, кто за ним последует, живет в пустыне поблизости от колодцев с водой и разбойничает и грабит торговые караваны и всех, кого может одолеть, продолжая таким образом свою злодейскую жизнь, пока не сможет собрать силы и получить помощь, чтобы снова вторгнуться во владения которого-нибудь из своих братьев. От Каспийского моря до сказанного замка Селлизюр и по всей стране у Каспийского моря люди живут, не имея городов и постоянных жилищ, в диких степях, кочуя с одного места на другое большими ордами со всем своим скотом, которого у них множество, а именно верблюдов, лошадей и овец, как прирученных, так и диких. Овцы у них очень большие с толстыми задами и весят от 60 до 80 фунтов. Там много диких лошадей, которых татары иногда убивают при помощи своих соколов следующим образом. Соколов приучают хватать животное за шею или за голову. Разгоряченное бегом животное утомляется от упорного долбления сокола; тогда охотник, гоняющийся за своей дичью, убивает лошадь стрелой или мечом. По всей стране растет не трава, а род сухого хвороста или вереска, питаясь которым скот становится очень жирным.

Татары никогда не выезжают без лука, стрел и меча, будь то на соколиную охоту или для какого-нибудь другого увеселения; они очень хорошие стрелки, как будучи на коне, так и пешие. Народ этот не употребляет ни золота, ни серебра, ни иных каких-либо монет, а когда они, нуждаются в одежде или в других необходимых вещах, они меняют на них скот. У них вовсе нет хлеба, так как они не пашут и не сеют; они пожирают большое

количество мяса, которое режут мелкими кусками и жадно едят пригоршнями, особенно конское. Их любимый напиток — кислое кобылье молоко, что я уже говорил о ногайцах; им же они напиваются допьяна. В их стране нет ни рек, ни водных пространств, пока не доедешь до вышеуказанного залива, отстоящего на 20 дней пути от места нашей высадки, если не считать колодцев *с* солоноватой водой, которые иногда находятся в двух или даже более днях пути один от другого. Они едят на земле, сидя с поджатыми под себя ногами; так же сидят они, когда молятся. У них нет никаких ремесел или искусств; они проводят время в лени, сидя большим обществом в кругу и занимаясь болтовней и пустыми разговорами.

26 ноября мы выехали из города Ургенча и, проехав по Оксусу 100 миль, вошли в другую большую реку Ардок, причем тут мы заплатили некоторую небольшую пошлину. Ардок — большая и очень быстрая река, вытекает из Оксуса и течет около 1 000 миль к северу, затем **[179]** теряется в земле и, пройдя 500 миль под землей, снова выходит на свет, чтобы влиться в озеро Китай, как я уже сообщал об этом выше.

7-го следующего месяца, декабря, мы приехали к замку, называемому Кайт (Kait), подвластному одному султану по имени Сарамет-Султану, который намеревался ограбить всех христиан в нашем караване, если бы не боялся своего брата, короля Ургенча. Об этом мы были уведомлены одним из его главных советников, который принудил нас сделать султану подарок, который этот советник получил и передал по назначению; кроме того, мы в этом замке заплатили пошлин по одной сырой русской коже с верблюда, не считая мелких подарков султанским чиновникам.

Продолжая так свое путешествие, 10 декабря к вечеру, когда мы расположились на отдых и расставили стражу, мы увидели, что к нам подъехали четыре всадника, которых мы приняли за лазутчиков; мы отобрали у них оружие и связали их; когда мы хорошенько порасспросили их, они признались, что видели следы многих коней, но без верблюжьих следов среди них, и дали нам понять, что в окрестностях бродят воры и разбойники: в этой стране верные и мирные люди путешествуют только караванами, в которых много верблюдов, а поэтому свежие следы лошадей без верблюдов внушают сомнение. После этого, посоветовавшись, между собою, мы решили послать весть вышеупомянутому кайтскому султану, который прибыл немедленно сам с 300 всадниками и, встретив сказанных четырех человек, которых мы выслали к нему вперед, так строго допросил их и так им пригрозил, что они сознались, что в 3 днях пути впереди нас находится один изгнанный князь, который собирается ограбить нас, если только сможет, и что они принадлежат к его шайке. Султан, увидев, что воры немногочисленны, приказал 80 хорошо вооруженным людям с начальником во главе идти с нами и провожать нас в пути, сам же султан возвратился назад, забрав с собою четырех воров. Воины шли с нами 2 дня, истребляя много наших припасов. На третий же день, рано утром, они ушли от вашего каравана вперед и прошли в военном строю по пустыне часа четыре, после чего повернули и, несясь во весь опор к нам навстречу, заявили, что они обнаружили неподалеку от нас конские следы. Хорошо понимая, что мы должны встретить врагов, они заставили нас сложиться в их пользу и спросили нас, что мы им дадим за то, что они будут сопровождать нас дальше, иначе они возвратятся назад. Мы предложили им вознаграждение, какое сочли приличным, но они отказались от нашего предложения,

желая получить больше, а когда мы на это не согласились, они уехали от нас назад к своему султану, который, по нашему предположению, был посвящен в этот заговор. Когда они уехали, некоторые татары из каравана, называемые святыми людьми (ибо они побывали в Мекке), заставили весь караван остановиться и пожелали помолиться и погадать, будет ли паше путешествие **[180]** счастливым и встретимся ли мы или нет с каким-нибудь враждебным отрядом. С этим согласился весь караван. Тогда они взяли несколько баранов, закололи их и, вынув лопатки, сварили последние и потом сожгли их; затем, взяв кровь баранов, смешали ее с пеплом костей и написали этой кровью какие-то буквы; все это сопровождалось разными обрядами и словами. Из этого гадания они вывели, к нашему большому смущению, что встретимся с врагами и ворами, но одолеем их. Я и мои товарищи не поверили этому колдовству; но все оказалось верным, ибо менее чем через три часа после того как покинули нас воины — было это 15 декабря утром — мы заметили вдали скачущих к нам всадников; видя, что это разбойники, мы сомкнулись теснее; нас было 10 человек хорошо снаряженных и способных сражаться; все вместе мы помолились каждый по своей вере, поклявшись жить или умереть всем сообща, и таким образом приготовились. Когда воры приблизились к нам, мы увидели, что их всего 37 человек, хорошо вооруженных луками, стрелами и саблями, а начальник их — князь, изгнанный из своей страны. Они предложили нам сдаться, объявив, что иначе мы будем убиты; это вырвало в нас только презрение. Тогда они стали стрелять в нас залпами, на что мы отвечали очень горячей стрельбой. Так мы продолжали сражение с утра до 2 часов после заката солнца, причем обе стороны потеряли убитыми и ранеными людей, лошадей и верблюдов; не будь у меня и у моих товарищей ружей (Small guns — могли быть короткоствольные ружья или же большие пистолеты.), которые мы пустили в дело, они нас одолели бы и уничтожили, потому что они были лучше вооружены и лучше стреляли из лука, чем наши. Однако, после того, как мы убили у них несколько людей и лошадей из наших ружей, они не осмеливались подъезжать к нам так близко, и это заставило их заключить с нами перемирие до следующего утра. Мы согласились, расположились лагерем на холме и устроили род крепости, окружив лагерь тюками товаров и поместив лошадей и верблюдов внутри, чтобы предохранить их от стрел. Воры также стали лагерем на расстоянии выстрела из лука от нас, но к нашему великому неудобству они расположились между нами и водой, а как мы, так и наши верблюды не пили уже 2 дня.

Мы зорко стояли на страже, как вдруг после полуночи воровской князь отправил на полдороги к нашему лагерю посланца, вызывавшего для переговоров нашего начальника, или, на их языке, караван-башу. Последний ответил посланцу: “Я не оставлю моих товарищей и не выйду на полдороги, чтобы говорить с тобой, но если твой князь и все его товарищи поклянутся по нашему закону, что будут соблюдать перемирие, то я вышлю человека, чтобы говорить с тобой, иначе нет”. Князь и все его товарищи, узнав об этом, клялись так громко, что мы могли слышать их. **[181]** Тогда мы послали одного из наших (считавшегося святым человеком) разговаривать с их посланцем. Их сообщение было высказано громко в следующих словах: наш князь требует от караван-баши и от всех мусульман (Bussarmans), т. е. обрезанных, ибо мы не желаем проливать вашей крови, выдать ему всех кафаров, т. е. неверных (имея в виду нас, христиан), находящихся среди них, со всеми их товарами. “Если вы сделаете это, он позволит вам спокойно ехать далее с вашими товарами, в противном случае, если он победит, в чем он не сомневается, с вами поступит не менее жестоко, чем с кафарами”. На это наш караван-баша ответил, что среди

его спутников нет ни христиан, ни других иноземцев, кроме двух турок их же закона, что если бы таковые и имелись, он скорее умрет, чем выдаст их, что мы не боимся его угроз и что это он сам узнает, когда настанет день. Продолжая переговоры, воры (в нарушение своей клятвы) потащили нашего святого человека к своему князю, громко крича в знак победы — Алла! Алла! Эго обстоятельство привело нас в большое беспокойство, так как мы боялись, что наш святой человек выдаст нас. Однако, несмотря на жестокое обращение и на долгие допросы, он под страхом смерти все же не признало я ни в чем, что могло бы служить к пашей невыгоде, не только касательно нас лично, но даже относительно того, каких из наших людей они л били или ранили в предшествующую ночь. Когда ночь пришла, мы снова стали готовиться к бою. Заметив это, воры пожелали войти с нами в соглашение, однако очень много запросили с нас. Коротко говоря, большая часть наших спутников не хотели сражаться: им было мало что терять, и они имели охранную грамоту для дальнейшего путешествия; поэтому нам пришлось согласиться и отдать ворам 20 девяток, т. е. 20 раз по 9 отдельных предметов, и верблюда, чтобы везти их. Получив это, воры удалитесь в пустыню к прежнему местопребыванию, а мы отправились вперед своей дорогой. В эту ночь мы подошли к реке Оксусу, где освежились после того, как 3 дня пробыли без поды и питья. Мы пробыли здесь весь следующий день, угощаясь нашими убитыми лошадьми и верблюдами. Отъехав отсюда, мы оставили проходящую вдоль этой реки большую караванную дорогу из опасения вновь встретиться с вышесказанными ворами или с подобными им и 4 дня прошли по песчаной пустыне, прежде чем нашли воду; наконец, мы подошли к колодцу с сильно соленой водою. И теперь и прежде мы постоянно испытывали недостаток в воде и в других припасах, и нам приходилось убивать на еду наших лошадей и верблюдов. И в этой пустыне мы едва не попали в руки воров. Однажды, когда мы расположились на отдых, появились какие-то лазутчики, которые похитили нескольких наших лошадей, лежавших немного поодаль от каравана. Сейчас же поднялся большой крик и вопли: мы тотчас же нагрузили наших верблюдов, отправились в путь около полуночи в темноте и сильно гнали, пока **[182]** снова не подошли к реке Оксусу; тут мы уже ничего не боялись, так как самая река служила нам укреплением. Оттого ли что мы пришли к воде, или иге потому, что воры были еще далеко от нас, когда нас открыли их разведчики, но мы избегли и этой опасности.

Итак, 23 декабря мы прибыли в город Бухару (Boghar) в Бактрийской земле. Эта Бухара расположена в самой низменной части страны; она окружена высокой земляной стеной с различными воротами и разделена на три части; две из них принадлежат королю, а третья отведена купцам и рынкам, каждое ремесло имеет здесь особое место и свой особый рынок Город очень велик; дома по большей части земляные, но есть также не мало каменных домов, храмов и сооружений, роскошно построенных и позолоченных; в особенности бани так искусно выстроены, что подобных им нет на свете; рассказать о том, как они выстроены, было бы слишком долго. Посреди города протекает маленькая речка, вода которой очень нездорова, так как у людей, пьющих ее, в особенности у тех, которые не рождены здесь, порождает червей, длиною с локоть, которые обычно залегают в ноге между ногтями и мясом, их с большим искусством и уменьем выдергивают вокруг лодыжной кости хирурги, имеющие в этом большой опыт. Если червь при выдергивании разрывается, то оставшаяся часть отмирает и каждый день выходит примерно на дюйм; кусок этот заматывается, и так продолжается, пока все не выйдет наружу. А между тем здесь запрещено пить что-либо, кроме воды и кобыльего молока, и если находят кого-

либо, нарушающего этот закон, его жестоко секут и бьют, водя по открытым рынкам. Для этого определены особые чиновники, имеющие право входить во все дома и обыскивать, нет ли у хозяина водки, вина или напитка из мода с солодом. Если они находят что-либо подобное, то бьют посуду, портят напитки и жесточайше наказывают хозяина дома, а иногда если они только заметят по дыханию человека, что он выпил, то дело решается без дальнейшего разбирательства, и он уже не уйдет из их рук.

В Бухаре есть духовный глава (metropolitane), который наблюдает за столь строгим исполнением этого закона Его больше слушают, чем короля; он может сместить короля и посадить другого по своей воле я желанию, как он и поступил относительно того короля, который царствовал во время нашего пребывания, в относительно его предшественника, смещенного его же стараниями: он предал его и приказал убить его ночью в его спальне; а это был государь, хорошо относившийся ко всем христианам.

Бухарская страна была когда-то под властью персов, и теперь еще в ней говорят на персидском языке; однако теперь Бухара — независимое королевство, которое ведет жесточайшие религиозные войны с персами, хотя все они магометане. Одним из поводов войн между ними служит **[183]** то, что персы не стригут волос на верхней губе, как это делают бухарцы *и* прочие татары, которые считают это поведение персов великим грехом. Поэтому они зовут персов кафарами, т. е. неверными, как они называют христиан.

Бухарский король (Властителем Бухары был, вероятно, непосредственный предшественник Абдулы-хана 1557-1598 гг.), на время объединявшего весь Узбекистан (см. *Бартольд,* Культурная история Туркестана, Л. 1927, стр. 97)) не имеет ни большого могущества, ни богатств, его доходы очень невелики; содержится он главным образом на счет города: он взимает десятую деньгу со всех предметов, продаваемых как ремесленниками, так и купцами, что ведет к обеднению всего народа, который он держит в большом подчинении, а когда у него не хватает денег, он посылает своих чиновников по купеческим лавкам забирать товары для уплаты своих долгов и насильно требует, чтобы ему оказывали кредит. Так именно он и поступил, чтобы заплатить мне некоторые деньги, которые он был мне должен за 19 кусков каразеи. Деньги у них серебряные и медные, золота вовсе нет в обращении. У них одна только серебряная монета, стоящая 12 английских пенсов; медная монета называется пуль (Poole), и 120 таких монет равны стоимости сказанных 12 пенсов; она чаше, чем серебро, служит для платежей. Цену же серебра король поднимает и снижает для своей прибыли каждый месяц, а иногда даже два раза в месяц; он не печалится об угнетении народа, так как не рассчитывает царствовать более двух или трех лет, когда его или убьют или изгонят. И все это сильно разоряет страну и купцов.

26 декабря мне приказано было явиться к королю, которому я представил грамоты русского царя; он принял меня очень милостиво и пригласил меня к еде в его присутствии. Несколько раз он присылал за мной и вел со мной непринужденный разговор в своей потайной комнате о могуществе царя, о турецком султане, а также о наших странах и законах и вере и заставлял меня стрелять перед ним из наших ружей и сам практиковался в стрельбе из них. Однако после всего этого почетного обращения он перед моим отъездом выказал себя настоящим татарином; ибо он отправился в поход, не

заплатив мне денег, а перед своим отбытием он видел меня и знал, что мне не уплачено. И хотя, действительно, он сделал распоряжение о том, чтобы мне выплатили долг, все же я удовлетворен был очень недостаточно; мне пришлось скинуть часть долга, а в уплату за остальное взять товары, что не входило в мои расчеты. Только от нищего я не мог получить лучшей платы, но уже доволен был тем, что мне заплатили хотя бы так и что отпустили меня.

Все же я поневоле должен всячески хвалить этого варварского короля, который сейчас же по приезде моем в Бухару, узнав о наших затруднениях с ворами, отправил 100 хорошо вооруженных людей и дал **[184]** им строгий наказ не возвращаться, пока они не убьют или не захватят в плен этих воров. Исполняя поручение, они прошли походом по пустыне, настигли означенную шайку воров; часть их они перебили, часть убежала, а четырех они захватили и привели к королю; двое из последних были тяжело ранены во время схватки выстрелами из наших ружей. Король послал за мной, чтобы я признал их, после чего он велел всех четырех повесить у ворот своего дворца для примера другим, ибо они были благородного происхождения (gentlemen). Из товаров, которые быта захвачены обратно, часть была возвращена мне. Вот какое правосудие я получил из его рук.

В городе Бухаре бывает ежегодный съезд купцов, приезжающих большими караванами из прилегающих стран — Индии, Персии, Балха (Balgh), России и разных других, а в прежние времена и из Китая, когда оттуда можно было свободно проехать; но эти купцы так нищенски бедны, привозят так мало товаров, которые вдобавок еще лежат здесь по 2 или 3 года, что нет никакой надежды на то, чтобы завести здесь выгодную торговлю, стоящую дальнейших усилий.

Важнейшие товары, привозимые сюда из вышеуказанных стран, следующие.

Индийцы привозят тонкие белые ткани, которые татары обвисают вокруг головы, а также другие сорта белых материй, употребляемых при шитье одежды из хлопчатой бумаги, но они не привозят ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней, ни пряностей. Я выяснял вопрос и установил, что такая торговля идет океаном, потому что все места, где добываются эти предметы, находятся под властью португальцев. Из Бухары индийцы вывозят шелковые материи, сырые кожи, рабов и коней, но каразею и другие сукна они ценят очень мало. Я предлагал купцам из этих стран, приезжавшим из отдаленнейших частей Индии, даже из Бенгальской земли и с реки Ганга, обменять каразею на их товары, но на такие товары, как сукно, они не захотели меняться.

Персы привозят сюда материи, хлопчатую бумагу, полотно, пестрые шелка, аргамаков (Argamacus) и т. п., а увозят отсюда сырые кожи и другие русские товары, рабов происхождением из разных стран, но материй не покупают, потому что сами привозят их сюда, а к ним, как я узнал, их привозят из Алеппо в Сирии и из Турции. Русские привозят в Бухару сырые кожи, овчины, шерстяные материи, деревянную посуду, уздечки, седла и т. п., а увозят отсюда разные изделия из хлопка, различные сорта шелка, материи и другие вещи, но размеры торговли очень малы. Из китайских стран (Cathay) в мирное время и когда проезд свободен сюда привозят мускус, ревень, атлас, камку и т. п. вещи. В бытность мою в Бухаре туда приходили караваны изо всех вышеназванных стран,

исключая Китай. Причиной, почему оттуда не приходило караванов, было то, что **[185]** уже 3 года до моего приезда сюда длилась большая война, продолжавшаяся и при мне, между двумя большими татарскими странами и городами, расположенными как раз по пути между Бухарой и Китаем, и некоторыми варварскими степными народами, как язычниками, так и магометанами, граничащими с этими городами. Города эти называются Ташкент (Taskent) и Кашгар (Cascar); народ, воюющий с Ташкентом, называется Казахами (Cassack), магометовой веры, а те, которые ведут войну с Кашгаром, зовутся Кингами (Qings), они язычники и идолопоклонники. Оба эти варварских народа очень могущественны; они живут в степях, не имея ни городов, ни домов, и почти покорили вышеназванные города, так крепко заперев дорогу, что никакому каравану нельзя пройти не ограбленным. Таким образом в течение 3 лет до нашего пребывания здесь ни один караван не прошел и не поддерживал торговли между Китайской и Бухарской страной. Когда же путь свободен, то это путешествие длится 9 месяцев.

Рассказ об этой Китайской земле и те вести, которые я о ней слышал, я счел за лучшее приберечь для нашей встречи. Когда я отдохнул в Бухаре за зимнее время и ознакомился после многих расспросов с тамошней торговлей, равно как и с торговлей всех прилегающих стран, когда настало такое время года, что всем караванам надо было отъезжать, а с другой стороны, король ушел на войну и разнеслись вести, что он бежал, н сам духовный глава предупредил меня, что мне следовало уехать, потому что похоже было на то, что город будет осажден, я счел лучшим продолжать мое путешествие по какому-нибудь другому пути и решил ехать из Бухары в Персию посмотреть торговлю в этой стране, хотя я достаточно уже осведомился о ней как в Астрахани, так и в Бухара и убедился, что она во многом подобна торговле в Татарии. Однако если бы я предпринял путешествие в эту сторону, то мне помешали бы различные обстоятельства. Во-первых, только что начались большие войны между Суфием (Суфий — см. сноску 3 на стр. 68.) и королями Татарии, вследствие чего дороги были разорены и случилось уже, что караван, шедший с охранной грамотой из Индии и Персии, был разграблен разбойниками и ворами; они были ограблены и большею частью убиты в 10 днях пути от Бухары. С другой стороны, бухарский митрополит, власть которого выше власти короля, взял у меня грамоты русского царя, без которых меня обратили бы в рабство в любой стране. Наконец, и товары, которые я получил в обмен за сукно, и те, которые мне пришлось насильно взять у короля и других знатных людей в покрытие денег, которые они мне задолжали, не могли иметь сбыта в Персии. Вследствие этого и разных других причин я был принужден идти обратно к Каспийскому морю тою же дорогой, какой **[186]** пришел. Итак, 8 марта 1559 г. мы выехали из Бухары караваном из 600 верблюдов, а если бы мы не выехали в этот срок, я и мои товарищи подверглись бы опасности потерять и жизнь и товары, ибо через 10 дней после нашего отъезда Самаркандский король пришел с войском и осадил названный город Бухару, в то время как бухарский король был на войне против другого государя, своего родича, как это бывает в этих странах каждые 2 или 3 года. Здесь считается чудом, если какой-нибудь король царствует больше 3 или 4 лет, а это служит к великому разорению страны и купцов.

25 марта мы прибыли в названный выше город Ургенч, едва спасшись от 400 разбойников, которые поджидали нас на обратном пути; это были по большей части родственники тех воров, которых мы встретили, когда шли в Бухару; в этом мы

убедились, поймав 4 лазутчиков. Вместе со мной ехали 2 посланника, порученные моему попечению, — один от бухарского короля, другой от балхского, оба ехали к русскому царю. Проведя 8 дней в Ургенче и в замке Селлизюр, чтобы собрать и приготовить к путешествию наш караван, мы выехали из Селлизюра 2 апреля. Среди моих спутников было еще 4 посланника, отправленных королей Ургенча и другими султанами, его братьями, к русскому царю с ответами на те грамоты, которые я им привез. И эти посланники были поручены моим заботам названными королями и государями. Я обещал им верой и правдой и клялся по нашему закону, что в России с ними будут хорошо обращаться и позволят им безопасно выехать оттуда, соответственно тому, что царь написал в своих грамотах; у них было некоторое сомнение, потому что долгие годы перед тем никто не ездил из Татарии в Россию.

23 апреля мы снова подошли к Каспийскому морю и нашли здесь наше судно, на котором мы приехали; однако на нем не было ни якоря, ни канатов, ни шлюпки, ни парусов. Впрочем, мы привезли с собой пеньку и при помощи остатков нашего снаряжения сами свили канат, сделали себе парус из хлопчатобумажной материи и снарядили наше судно, как могли, но шлюпки и якоря у нас все-таки не было. Тем временем, пока мы рассуждали, как сделать деревянный якорь из колес повозок, из Астрахани пришло судно с татарами и русскими, на нем было 2 якоря, из которых один я приобрел. Изготовившись таким образом, мы подняли паруса и пустились в путь. Я и оба Джонсона сами были капитаном я моряками и везли сказанных 6 посланников и 25 русских, которые долго были в рабстве в Татарии и до моего приезда не могли и не мечтали добраться домой; эти рабы гребли, когда в этом была нужда. Так плывя то вдоль берега, то, теряя его из виду, мы встретили 13 мая противный ветер в стали на якорь в 3 лигах от берега. Тогда поднялся сильный шторм, продолжавшийся 44 часа. Так как наш канат был собственного изготовления, то он липнул, и наш якорь пошел ко дну; мы находились **[187]** против подветренного берега, и у нас не было в помощь лодки; поэтому мы подняли парус и старались отойти от берега, предвидя неминуемую гибель. Но бог не оставил нас, мы вбежали в бухту полную ила и таким образом спасли и себя и судно, хотя и пришлось пережить несколько тяжелых минут. Ибо если бы даже мы спасли свою жизнь ог опасности в море, мы все же знали, что, погибни наше судно, мы были бы или убиты, или обращены в рабство жителями этой страны, живущими в дикости по степям, подобно зверям, без домов и жилищ. Когда буря стихла, мы снова вышли из бухты, и так как мы установили наше местонахождение по компасу и при помощи других наблюдений еще в то время, когда стояли на якоре во время бури, то мы прямо пошли на место своей прежней стоянки и нашли потерянный якорь; при этом татары очень изумлялись, как мы это сделали. Пока мы были в бухте, мы сделали деревянный якорь из колес от повозок, которые были у нас на судне, но когда мы снова нашли наш железный якорь, мы выбросили деревянный. 2 дня спустя поднялась новая буря с северо-востока, мы легли на дрейф, нас отбросило далеко в море, и нам пришлось положить много труда, чтобы спасти наше судно от потопления, до того сильно было волнение. Наконец, когда наступила ясная погода, мы измерили высоту и, определив, в каком направлении от нас лежала земля, пришли, как того и желали, к устью Яика. Татары были очень довольны, так как они боялись, что нас отнесет к берегам Персии, жители которой их заклятые враги.

Надо заметить, что во время нашего плавания по морю мы подняли флаг с красным крестом св. Георгия в честь христиан; я думаю, что на Каспийском море его никогда до того не видали. Счастье было изменчиво во время нашего плавания; тем не менее 28 мая мы прибыли благополучно в Астрахань, где и оставались до 10-го числа следующего месяца, июня, как для того, чтобы заготовить речные суда для плавания с нашими товарами по Волге против течения, так и для того, чтобы ехать вместе с татарскими посланниками, вверенными моему попечению, для представления их русскому царю.

Каспийское море (чтоб сказать кое-что о нем) имеет около 200 лиг в длину и 150 в ширину; из него нет никаких выходов в другие моря. К востоку от него простирается великая пустынная земля татар, называемых Туркменами (Turkemen), к западу — земли Черкасов (Chyrcasses), Кавказские горы, Эвксинское море, лежащее лигах в 100 от Каспийского. На севере находится Волга и земля ногайцев, а на юге лежат страны Мидия и Персия. В некоторых местах это море пресно, а в других — такое же соленое, как наш великий океан. Много прекрасных рек впадают в него, но само оно не имеет истока, разве только под землей. Вот наиболее замечательные реки, впадающие в него: во-первых, Волга, по-татарски **[188]** называемая Итиль (Эделль), вытекающая из озера в болотистой и тоской местности, неподалеку от города Новгорода в России; от ее истоков до моря больше 2 000 английских миль. Есть и другие большие реки, в него впадающие, как например, Яик и Эмба (Yem) из Сибири, а из Кавказских гор — реки Кура (Cyrus) и Араке (Arash) и др.

Что касается торговли Шемахи в Мидии и Тебриза с другими персидскими городами, то я осведомился и хорошо узнал, что она очень похожа па торговлю в Татарии: малый сбыт и малые барыши; мне сообщили, что главная персидская торговля идет через Сирию, и товары перевозятся Левантийским морем. Малое количество судов на Каспийском море, недостаток рынков и гаваней, бедность жителей и замерзание моря сводят тамошнюю торговлю на нет.

В Астрахани были купцы из Шемахи; я предлагал им меняться и давал им каразеи за их товары, но они отказались, говоря, что они могут получить ее за ту же цену в своей земле, причем я просил по 6 рублей за кусок каразеи. А пока *я* быт в Бухаре, туда привозили из Персии материи и другие товары из наших стран по той же цене, по какой и я мог продать то, что я привез.

10 июля мы отравились из Астрахани к Москве, имея до 100 стрельцов, сопровождавших посланников и меня для нашей безопасности за царский счет. 28 июля мы прибыли и город Казань; от Астрахани до Казани мы пробыли в пути более 6 недель, ни разу не пополнив наших съестных припасов, так как на всем этом пути нет ни одного жилья.

7 августа мы выехали из Казани и везли свои товары водой до города Мурома (Morum), а далее сухим путем так, что 2 сентября мы прибыли в Москву, а 4-го я явился перед царским величеством, целовал его руку, поднес ему хвост белой китайской коровы и татарский барабан, которые он благосклонно принял. Я также представил ему всех посланников, вверенных моему попечению, и всех русских рабов и в этот день обедал в

присутствии его величества, причем за обедом его милость послал мне еду с одним князем (duke) и предлагал мне разные вопросы о землях и странах, где я побывал.

В Москве я оставался по вашим делам до 17 февраля, пока не были отосланы ваши товары; затем, получив от царского величества разрешение выехать 21 февраля, я прибыл в ваш дом в Вологде, где оставался до вскрытия реки; досмотрев за погрузкой ваших товаров на ваши суда, я отправился вместе с ними и благополучно приехал в Колмогоры 9 мая 1560 г. На этом я на сей раз заканчиваю, прося вас извинить меня за мое длинное рассуждение, которое по разнообразию содержания я не мог сделать короче, и моля бога о преуспеянии всех ваших начинаний.

Широта некоторых важнейших местностей в России и в других странах

	град.	мин.
Москва…………………………………………………………..	55	10
Новгород Великий………………………………………………..	58	26
Новгород Нижний (Меньший)……………………………..	56	33
Колмогоры……………………………………………………...	64	10
Вологда………………………………………………………….	59	11
Казань…………………………………………………………...	55	33
Увек (Oweke)…………………………………………………...	51	40
Астрахань……………………………………………………….	47	9
Устье Волги…………………………………………………….	46	72
Мангышлак за Каспийским морем…………………………	45	0
Ургенч в Татарии в 20 днях пути от Каспийского моря….	42	18
Бухара, город в Татарии и 20 днях пути от Ургенча……...	39	10

ДОБАВЛЕНИЯ К ПУТЕШЕСТВИЮ ДЖЕНКИНСОНА

2. Несколько заметок, собранных Ричардом Джонсоном (бывшим в Бухаре с г. Антонием Дженкинсоном) о сообщениях русских и других иноземцев относительно дорог из России в Китай и о различных иноземных народах.

Первая заметка, сообщенная неким Сарничоком, татарином, подданным бухарского государя, из татар, пограничных с Кизильбашами или Персией, и содержащая известие о дороге из Астрахани, отдаленнейшего места в России, в Китай, как ниже сего следует.

Прежде всего от Астрахани до Сарайчика при медленном путешествий, как обыкновенно едут купцы с товарами, — 10 дней пути.

От Сарайчика до города, называемого Ургенч, — 15 дней.

От Ургенча до Бухары — 15 дней.

От Бухары до Кашгара — 30 дней.

От Кашгара до Китая — 30 дней путешествия.

От того же лица заметка о другой дороге, более безопасной, как о я утверждает, для путешествия.

Из Астрахани в Туркмению по Каспийскому морю на судах — 10 дней.

Из Туркмении сухим путем на верблюдах со средним грузом но 15 пудов на каждого — 10 дней до Ургенча.

От Ургенча до Бухары — 15 дней.

Примечание. В городе Бухаре находится обменный рынок между **[190]** турками и другими народами этих стран, с одной стороны, и с китайцами с другой.

Здесь также уплачивают пошлины с товаров в размере 1/40 их стоимости.

Оттуда до Кашгара путешествие длится месяц, а от Кашгара (где проходит граница владений великого Хана (Китайского императора.) со многими городами и крепостями по пути) для купцов также месяц пути по суше до Китая (Cathay).

Далее, как он слышал (так как сам не бывал в тех местах), можно ехать на кораблях из Китая в Индию. Но ни об этих путях, ни о том, какие берега прилегают к морям, он не знает.

Сообщение другого татарского купца, живущего в Бухаре, о том, что он узнал от других своих земляков, которые там побывали.

Сначала из Астрахани до Сарайчика —15 дней; он утверждает также, что можно ехать и другой описанной выше дорогой через Туркмению.

От Сарайчика до Ургенча — 15 дней.

От Ургенча до Бухары —15 дней.

Примечание. На этом 30-дневном пути нет ни жилищ, ни домов; поэтому путешественники живут в собственных палатках и везут с собой различные припасы для

еды; а для питья там много колодцев с пресной водой, которыми можно пользоваться ежедневно на недалеких одно от другого и равномерно расположенных местах остановок.

От Бухары до Ташкента легкое путешествие с товарами по суше — 14 дней.

От Ташкента до Ходжента (Occient) — 7 дней.

От Ходжента до Кашгара — 20 дней. Этот город Кашгар лежит на полдороге между Бухарой и Китаем; он принадлежит особому государю по имени Решит-хану.

От Кашгара до Соучика (Sowchik) — 30 дней пути. Соучик находится на самой границе Китая.

От Соучика до Камчика (Camchik) — 5 дней пути, а от Камчика до Китая (Cathay) — 2 месяца. Весь путь проходит через населенные страны с умеренным климатом; страна полна несчетного количества плодов, а главный город всей страны называется Камбалу (Cambalu); он находится в 10 днях пути от Китая. За китайской землей, которую прославляют как цивилизованную и несказанно богатую, лежит страна, называемая на татарском языке Кара-Калмак; она населена черными людьми. Но в Китае, **[191]** большая часть которого простирается к восходу солнца, — люди белые и хорошего сложения. Их религия, как говорят татары, — христианская, или похожая на христианскую, а язык их особенный, отличающийся от татарского языка.

При путешествиях по выше названным дорогам не встречается больших страшных медведей, но встречаются волки, белые и черные. Медведи не водятся здесь, потому что здесь нет таких больших лесов, как в русских землях, а в лесах, как сообщают, скорее недостаток, чем избыток; однако здесь водятся некие другие звери (так например, одного по-русски называют барс (Barse). Барс, как можно было видеть по шкуре одного из них, которую здесь продавали, почти так же велик, как большой лев, и красиво расцвечен пятнами; поэтому мы приняли его за леопарда или тигра.

Заметьте, что в 20 днях пути от Китая лежит страна, называемая Ангрим, где водится животное, приносящее лучший мускус, большая часть которого вырезается из колена самца. Люди там смуглые, и так как мужчины безбородые и по комплекции не отличаются от женщин, то все они носят железные признаки, а именно мужчины носят солнечный круг на плечах, подобно горбу, а женщины на своих тайных частях. Пищей людям служит сырое мясо, как в этой земле, так и в другой, называемой Титай или Китай (Titay or Kitai). Государь тамошний называется ханом. Они поклоняются огню и живут в 34 днях пути от великого Китая (great Cathay); на этом пути — красивый народ, называемый комором (Comorom): они едят золотыми ножами; там же находится земля, обитаемая людьми маленького роста; она ближе к Москве, чем Китай.

3. Сообщения одного жителя Персии, который утверждает, что оп ездил в Китай вышеописанной дорогой, а также другой дорогой вблизи морского берега, как это следует ниже. Сообщение это прислано из России от Джайльса Холмса.

Прежде всего из Двинской области известна дорога на Печору, а с Печоры, едучи на оленях (Olens or harts), до реки Оби 6 дней пути сушей и столько же водой.

Обь — река, полная мелей; ее устье шириной более 70 русских миль. Оттуда в 3 днях пути по правой стороне находится место, называемое Чернолесье (Chorno lese), по-английски — черные леса (black woods); оттуда поблизости живет народ, называемый Печекони (Pechey-Cony), которые, по его описанию, убирают волосы, подобно ирландцам.

От Печеконов до Желтых Калмачей (Joult-Calmachey) — 3 дня пути, а от тех до Черных Калмачей (Chorno-Calmachey) — 3 дня пути к ю.-в. Оба эти народа — татарской веры и платят дань великому Хану. **[192]**

4. Ниже следует рассказ о некоторых странах самоедов, живущих по реке Оби и по морскому берегу за ней. Рассказ переведен слово в слово с русского языка и передает путешествие одного русского, уроженца Колмогор, имя которого было Федор Товтигин (Pheodor Towtigin) и который, как сообщают, был убит во время второго своего путешествия по одной из этих стран.

На востоке, за Югорской (Ugori) страной, река Обь образует самую западную границу страны самоедов. Самоеды живут по морскому берегу, и страна их называется Мангазея (Molgomsey). Пищей им служит мясо оленей (olens or harts) и рыба, а иногда они между собой пожирают один другого. Если к ним приезжают купцы, то они убивают одного из своих детей для самих себя и чтобы вместе с тем угощать купцов. Если какой-нибудь купец случайно умрет, будучи у них, то они не хоронят его, а поедают, точно так же, как поедают и своих земляков. Они с виду уродливы, у них маленькие носы, но они проворны и отлично стреляют; они ездят на оленях и собаках, а одежда у них из собольих и оленьих шкур Других товаров, кроме соболей, у них нет.

Точно так же, на том же берегу, в той же стране, за этим народом, у самого берега моря обитает другое племя самоедов, имеющих те же обычаи, но другой язык. Один месяц в году они проводят в море и не выходят на сушу и не живут на ней в течение этого месяца.

Точно так же, за этим народом, на берегу моря, живут еще другие самоеды, едою которым служит мясо и рыба; товары у них — соболя, белые и черные лисицы, которых русские называют песцами (psalts), и шкуры ланей и оленей.